

АВЕРИН | ВАРДУНАС

ХРОНОС

МЕССИЯ

Хронос

Игорь Вардунас

Мессия

«Автор»

2013

Вардунас И. В.

Мессия / И. В. Вардунас — «Автор», 2013 — (Хронос)

ISBN 978-5-699-68628-5

Его зовут Гай Метьюз. Он – единственный выживший из первой Международной экспедиции на Марс. После долгих лет отсутствия, в 2060 году он неожиданно вернулся домой, но родная планета больше не является ему домом. Некогда привычный и знакомый мир, в который судьба или чья-то расчетливая рука возвращает астронавта, необратимо изменился. Но не изменились люди. Все ждут от сошедшего с небес Метьюза, которого возвели в ранг нового Мессии, чуда. Но способен ли он сотворить его? В надежде заполучить героя корпорации начинают открытое противостояние, которое грозит перерасти в войну. Каким будет выбор человека, обреченного на вечную жизнь?

ISBN 978-5-699-68628-5

© Вардунас И. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть I	5
Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Никита Аверин, Игорь Вардунас

Мессия

Часть I

Пришествие

В тексте использованы стихи Романа Смолякова и Никиты Аверина.

Судьба распорядилась так, что людям, полетевшим на Луну ради мирного ее освоения, суждено упокоиться там в мире. Их оплакивают их семьи и друзья; их оплакивает их отечество; их оплакивают народы мира; их оплакивает сама родина Земля, рискувшая направить двоих своих сыновей в неизведанную даль. За ними последуют другие и непременно найдут дорогу домой...

Фрагмент неопубликованной речи Ричарда Никсона, заготовленной на случай неудачи лунной экспедиции «Аполлона-11» 18 июля, 1969 год

Пролог

– Чудо! Чудо! Чудо! – Толпа была подобна океану – колышущаяся масса, состоящая из миллионов людей-молекул. Качаясь взад и вперед, люди напирала волнами на ограждения, пытались пробиться к сцене, на которой разворачивалась кульминация действия. Они пришли увидеть чудо и не уйдут разочарованными. Горящие глаза, перекошенные в религиозном экстазе лица, рев сотен тысяч глоток. – Чудо!!!

На сцене суетились люди в белых одеждах. Они ломали дощатый пол и сколачивали крестообразную конструкцию. Двое здоровяков держали за руки ссутулившегося человека. Пленник не пытался вырваться, лишь молча смотрел на беснующуюся вокруг него толпу.

– Сейчас вы увидите главное чудо Нового Мессии. На ваших глазах он будет распят и пронзен в сердце, подобно Иисусу Христу. И, так же как и Иисус, он воскреснет! – Ведущий умел работать с публикой. Какая разница, сколько перед тобой слушателей? Двадцать наркоманов или миллион религиозных фанатиков – это неважно. Сознание этих людей затуманено, и управлять ими проще простого.

Пока ведущий накручивал толпу, люди в белых одеждах уже положили пленника на импровизированный крест. Тут же раздобыли двухсотмиллиметровые гвозди и молоток. Видеооператоры выхватывали крупные планы лица жертвы, искореженного болью от пробитых кистей рук, пульсирующие фонтаны крови из пронзенных ступней...

Закончив с фиксацией конечностей, пленника дополнительно привязали к кресту веревками. Десяток сильных мужских рук установили конструкцию с жертвой в вертикальном положении.

– И сейчас, друзья мои, вы станете свидетелями чуда. Вы готовы?

– ДА!

Ведущий передал микрофон одному из стоящих рядом мужчин в белом и достал из кармана швейцарский нож. Оглядевшись по сторонам, он увидел подходящую по длине стальную трубку, служившую недавно частью каркаса для сцены. Ведущий вставил рукоятку ножа в

полюю трубу и проверил, хорошо ли держится. Удовлетворенный результатом, он направился к распятому на кресте.

– Я же говорил, что ты станешь новым символом, новым Мессией! Яви же нам чудо Воскрешения! – с этими словами он вонзил лезвие самодельного копья прямо в сердце.

Собравшиеся вокруг люди приветствовали его жест одобрительными криками. Градус истерии в толпе был на пределе. Объективы видеокамер смаковали торчащий из груди пленника нож, демонстрируя его на больших экранах со всех ракурсов.

Выдернув нож, ведущий отбросил не нужную больше трубку и вновь взялся за микрофон.

– Вам нравится?

– Да!

– Я не слышу вас, последователи Нового Мессии! Вам нравится?

– ДА!!!

– Так узрите же, как Мессия воскреснет!

Глава первая

<Шорох помех и неразборчивая речь>

– Мейдей! Мейдей! Вызывает Феникс. Хьюстон, вызывает Феникс! Как слышите? Говорит Гай Метьюс. Прием.

<Тяжелое дыхание>

– Феникс, это Хьюстон. Слышу вас прекрасно. Метьюс, что случилось?

– Хьюстон, у нас тут черт-те что творится! Все словно с катушек слетели.

Я видел, как Оуэн <руководитель экспедиции> напал на Кейджа <инженер-электрик>. По-моему, он его задушил!

– Феникс, доложите, что происходит! Гай? Гай, ответьте!

<Голос издали: «Метьюс? Где ты? Нам нужно поговорить!»>

– О черт, он идет сюда...

<Звук открывающейся и закрывающейся шлюзовой двери>

– Феникс! Феникс, вызывает Хьюстон! Метьюс? Кто-нибудь, ответьте!

<Через пять минут запись обрывается>

Расшифровка черного ящика с межпланетной станции «Феникс».

День 2554. Космическое время 23:37

Скоростной лифт доставил следующую группу экскурсантов. Если судить по нашивкам на униформе, на этот раз это были учащиеся спрингфилдского технологического института. Что не удивительно, если принять во внимание тот факт, что в городе проходил чемпионат штата по легкой атлетике. И для проформы, всех участников чемпионата водили по театрам и музеям, стараясь повысить их культурный уровень развития. Но старания организаторов были напрасны. Молодых накачанных легкоатлетов и их подружек-черлидерш не интересовало современное искусство и великая история их великой страны. Студенты, изнывая от скуки, уныло плелись гомонящей толпой вслед за экскурсоводом.

– А в этом зале вы можете увидеть экспозицию, посвященную первой международной экспедиции на Марс! – Виктория Хелендж, работавшая экскурсоводом вот уже десять лет, скучала не меньше своих подопечных. В юности Виктория мечтала переехать в Нью-Йорк и открыть свою собственную галерею искусств в Сохо. Но, как и многим другим, этой мечте не суждено было сбыться. В институте она познакомилась с обворожительным красавцем Карлом, двухметровым студентом из Европы. Их бурный роман длился пару месяцев, пока не выяснилось, что заокеанский красавец великан является членом подпольного антиглобалистского движения «Воздух». Виктория узнала об этом от сержанта полиции, который вызвал ее на допрос, когда Карл со своими приятелями подорвали на гидравлической mine автомобиль из кортежа министра иностранных дел. Дело о разгроме движения «Воздух» получило широкий общественный резонанс, и поэтому всех, кто оказался к нему хоть как-то причастен, ждала не самая хорошая судьба. Так что о собственной галерее Виктории пришлось забыть. Хорошо, что ей вообще удалось найти работу в бостонском музее астронавтики, куда ее устроила двоюродная тетя. Ведь альтернативой надоевшим экскурсиям являлась работа в стриптиз-баре или и того хуже, угол на пересечении улиц в городских трущобах.

От грустных воспоминаний Викторю отвлек противный визг одной из черлидерш. Здоровенный парень, наверняка несущий на своих широких плечах бремя бойфренда визжащей девушки, размахивал в воздухе голофоном. Девушка пыталась отнять телефон, но даже в прыжке не могла достать и до плеча здоровяка.

– Джейсон, отдай сейчас же! Это мой голофон!

– Да, я знаю, что он твой, Кейти. Но пока ты мне кое-что не пообещаешь, он останется у меня, – гаденько усмехнулся здоровяк. В ответ на его реплику стоявшие рядом сокурсники радостно заржали.

– О, мой бог. Как же они меня достали, – Виктория раздраженно потерла виски и сказала так громко, что ее голос услышал даже охранник на первом этаже музея: – А ну прекратите немедленно!

В зале повисла звенящая тишина. Студенты, со смесью страха и удивления, посмотрели на миниатюрную мисс Хеледж, словно только сейчас заметили ее присутствие.

– Молодой человек, соблаговолите вернуть юной мисс ее имущество, – взгляд голубых глаз Виктории, точно ледяные иглы, пронзал верзилу Джейсона. Наконец парень не выдержал и протянул голофон подруге. – Теперь, если вы позволите, мы продолжим нашу экскурсию. Как я говорила ранее, мы находимся в зале, посвященном первой марсианской экспедиции.

Виктория повела подростков вдоль стен, задерживаясь у каждого экспоната не более пяти минут. За десять лет план проведения экскурсии был доведен Викторией до совершенства. Если бы ее разбудили среди ночи, она могла бы без запинки произнести заученный до автоматизма текст:

– Семьдесят лет назад, в 2040 году, указом президента Гьюберта, Соединенные Штаты Америки присоединились к международной программе колонизации Марса. Как вы знаете из уроков истории, – в этом месте Виктория сделала паузу и скептически оглядела отсутствующие лица студентов, – первые попытки колонизации Марса предпринимались еще в начале нашего века, но успеха они не принесли. Прорыв в этом направлении случился в 34 году, когда русскими и китайскими учеными был изобретен фотонный двигатель.

Виктория указала студентам на стенд с голографической проекцией лаборатории в Пекине. Радостные лица коммунистических светил науки на фоне огромной махины – испытательного образца фотонного двигателя.

– Позднее правительства России и Китая разработали проект космической экспедиции на Марс, для постройки колонии и изучения Красной планеты. Для его воплощения были привлечены лучшие специалисты и эксперты своего времени.

Виктория вела экскурсию, периодически бросая взгляды на группу студентов. Из всей толпы за ее рассказом следили от силы два-три человека, все остальные болтали между собой или копались в глобальной Сети.

Конечно, подросткам не было интересно, что произошло в далеких для них сороковых годах двадцать первого века. При нынешнем сверхплотном информационном потоке, новость считалась устаревшей, если с момента ее происшествия прошло уже более часа. Что уж говорить о том, как они относятся к истории полувековой давности.

– Благодаря финансовой помощи НАСА и США на орбите планеты Земля была смонтирована межпланетная станция «Феникс», которая должна была доставить и обеспечивать работу первых поселенцев на Марсе. Полет на Красную планету, благодаря фотонным двигателям, занял всего три года. На борту станции находился экипаж в составе астронавтов Генри Оуэна, Гая Метьюса, Мейсона Кейдже и Саманта Риз. А также космонавт Дмитрий Коробцов и тайконавт Чен Лао.

Кейти и Джейсон, позабыв о недавней ссоре, ворковали в стороне от общей группы. Виктория почувствовала легкую зависть. Когда-то и она могла так же быстро забывать все обиды и мурлыкать подобно маленькому котенку на груди у Карла. Как давно это было...

Поправив упавшую на лоб непослушную челку, Виктория продолжила:

– А сейчас мы подходим к самому трагичному моменту в этой истории.

Экскурсанты оживились. Да, трагедии и несчастья всегда вызывают интерес у публики, вне зависимости от срока их давности.

– 15 февраля 2057 года радио и видеосвязь с «Фениксом» неожиданно прервались. Космические спутники НАСА на околоземной орбите и сверхмощные телескопы обсерваторий по всему миру зафиксировали вспышку от взрыва на территории марсианской колонии. Судьба «Феникса», находившегося в момент исчезновения на противоположной от Земли стороне Марса, до сих пор не известна. Все попытки связаться с экипажем станции или с колонистами не увенчались успехом. С тех пор 15 февраля 57 года считается во всем мире Черным днем в истории освоения космоса...

Неожиданно студенты загудели, напомнив Виктории рой мексиканских пчел-убийц, документальный фильм о которых составил всю развлекательную программу ее вчерашнего вечера.

– Тише! Молодые люди, ведите себя культурно, вы не у себя на районе... – но в этот раз слова Виктории не произвели на молодежь никакого впечатления. Уставившись на свои планшеты и голофоны, студенты возбужденно переговаривались и тыкали пальцами в тонкий пластик экранов. – Да что же тут происходит?!

– Смотрите, мисс! – хрупкая девушка, из числа тех немногих, кто действительно слушал слова экскурсовода, протянула Виктории тонкий пластиковый прямоугольник планшета. Растерянно кивнув в знак благодарности, Виктория Хеледж прочла сияющий подобно неоновой вывески заголовок: «Экстренные новости! На Землю вернулся спасательный челнок с межпланетной станции «Феникс»!» Под заголовком крутился повтор двадцатисекундного видео, на котором был запечатлен момент падения челнока. Оставляя за собой огненный росчерк, с неба на землю, по вертикальной траектории, падал объект, внешне весьма похожий на спасательные челноки межпланетной станции. Виктория провела в этом музее не одну тысячу часов и знала конструкцию практически всех блоков и отсеков «Феникса».

– Похоже, мисс, на сегодня экскурсия окончена? – из толпы выделился здоровяк Джейсон. – Мы можем идти домой?

– А? Что? – Виктория растерянно переводила взгляд с монитора на застывших в нетерпении студентов. Вернув планшет хозяйке, мисс Хеледж кивнула: – Да, конечно, ребята, ступайте по своим делам...

– Круто! – Джейсон подхватил под руку свою подружку, и они первыми покинули зал. Вслед за ними потянулись и остальные, и уже через минуту в помещении осталась лишь Виктория.

Поняв, что она осталась одна, Виктория подошла к стенду с макетом станции «Феникс». Удостоверившись, что на нее никто не смотрит, она засунула руку в корпус макета и достала оттуда небольшую флягу. Встряхнув ее и услышав ласкающее слух бульканье, мисс Хеледж открутила колпачок и в два глотка осушила емкость.

– Уф, – поморщившись, Виктория внимательно посмотрела на опустевшую флягу и подумала, что на сегодня с нее хватит. – К черту! Увольняюсь с этой поганой работы. Хоть в стриптиз, хоть на панель, но я видеть больше не хочу всю эту космическую хрень!

И в подтверждение своих слов Виктория Хеледж запустила флягой в витрину ближайшего стенда. Звон бьющегося стекла и завывания сирены аккомпанировали ее уходу.

Глава вторая

Политики твердят нам, что все изменится,
Но чем больше я смотрю новости, тем больше осознаю, что все по-
прежнему.

Люди до сих пор воюют, люди на улицах,
Игроки скрываются в тени, принудив нас
к этому.

Американская мечта, которая никогда
не была явью,

Я сыт этим по горло, а как насчет вас?

Лучше беги, не раздумывай дважды.

Похоже, у нас проблема в раю.

Я не знаю, сможем ли мы выбраться отсюда
живыми.

Похоже, у нас проблема в раю.

Проповедники и учителя твердят нам не забыть,

Что религия спасет всех нас, но это совсем не так.

Попробуй взглянуть на это иначе, Гуру, Целитель.

Ты же не собираешься обмануть меня старыми
трюками. Американская мечта, которая никогда
не была явью.

Я сыт этим по горло, а как насчет вас?

Стьюарт Смит, Trouble In Paradise

Тихий океан, Гавайи, 2060

Пожар был виден с расстояния в несколько миль. Стоящий на носу подпрыгивающего на волнах востроносого служебного катера Стивен Хокс неотрывно смотрел на далекую переливающуюся полоску огней, которая стремительно приближалась, причудливо вытанцовывая где-то на невидимой границе между небом и водой. С этого расстояния казалось, будто горит само море. Он уже видел такое однажды, когда-то давно, когда, еще будучи стажером, совсем юнцом, отправился с «объезжавшего» новичка наставником к месту крушения токийского нефтяника, прозевавшего мель. Танкер разломился надвое, перед тем как уйти на дно, и из пятидесятиметровой трещины в корпусе из него вытекло десять тысяч тонн нефтепродуктов.

А потом что-то случилось, то ли недоглядела суetyащаяся на борту команда, то ли были виноваты спасатели, но, когда вертолет с сотрудиикам Конторы прибыл на место, находящимся в салоне людям открылась чудовищная по своей грандиозности картина пожарища. Со всех сторон окружившая тонущий танкер горящая пленка сырого необработанного топлива стремительно расползлась во все стороны, вылизывая изумрудные волны в двухстах милях от побережья Испании демоническими языками неконтролируемого огня. Ярким шаром вспыхнул и тут же скрылся в недрах стихии замешкавшийся патрульный катерок. Испуганно шарханул, набирая высоту, пузатый восьмилопастной стрекочущий грузовик береговой охраны. Отползли не прекращающие воевать с огнем «пожарники». Пламя ревело так, что было слышно даже сквозь грохот несущего винта, нестерпимый жар от неконтролируемой экологической катастрофы, просачиваясь сквозь обшивку салона, забирался до самых костей, сжимая внутренности обжигающими тисками страха. Огненный Молох пожирал всех и вся.

Это было первое боевое крещение Стивена Хокса, только переведенного из Детройта. Впоследствии он много чего повидал и побывал в переделках во многих уголках света, но воспоминание от первого задания, неистребимый атавистический ужас и благоговение при виде яростно бушевавшего пламени, которые испокон веков сопровождает весь род человеческий, осталось с ним, теперь уже специальным агентом по особо секретным операциям корпорации «Хронос-1», на всю оставшуюся жизнь. И еще нестерпимый, режущий глотку и заполняющий легкие смрад горящего топлива, который преследовал его в кошмарах и наяву потом несколько недель. Копченые лица пожарников, трупы животных и моряков. Всюду смерть, смерть, смерть... Одежду вообще пришлось выкинуть.

Стив моргнул, отгоняя навязанные ситуацией воспоминания, и перекинул пиджак, который держал за воротник, на другое плечо. Сейчас он тоже направлялся на пожар. Только на этот раз причина его появления была совершенно другая. Невозможная. Невероятная. Причина, о которой никто не вспоминал уже почти более шестидесяти лет. Ставшая легендой, историей, кучкой фактов на страницах учебников истории. Стив задрал голову и посмотрел на бескрайнее полотно чистейшего звездного неба, которое может быть таким только в открытом море. Чудо. Послание из далекого космоса, о котором он так мечтал с детских лет, засиживался в обнимку с телескопом бессонными ночами на крыше коровника на ферме деда. Начальство знало, кого отправить, и он выполнит свою миссию в лучшем виде. Чего бы ему это ни стоило и какие бы препятствия ни появились у него на пути. Выбрали его. Настал его час. Звонок, всего несколько часов назад выдернувший из постели, навсегда изменил его жизнь. Невероятный привет из минувшего, которое мгновенно стало настоящим, шагнув из прошлого, вновь напоминая о себе. Он прилетел. Он вернулся. Стив вдохнул восхитительный запах спящего моря и провел ладонью по волосам, которые трепал налетающий встречный ветер.

Вот только готов ли он к встрече? Мужчина раздраженно тряхнул подбородком – что за глупости, конечно же, он готов. Кто более готов к предстоящей работе, нежели Стивен Спенсер Хокс, начальник отдела космических исследований и открытий?! Конечно же, он! Никто, кроме него! Черт, да он бы сейчас даже не глядя подрался бы с любым, кто посмел бы оспорить у него права на это задание! Он посмотрел на пальцы и медленно потер подушечками пальцев друг о друга, ощущая на них соль, оставшуюся после прикосновения. Было ощущение, что кожу хорошенько натерли воском, он любил его.

– Через пятнадцать минут прибудем, кэп, – подал голос высунувшийся из кабины капитан, и Стив, не оборачиваясь, кивнул, проверяя в кобуре пистолет. – А у них там, похоже, не слабый переплет.

– Да, – согласился агент на носу. – Проблемы в раю. Ночка будет та еще. Извини, что сдернул тебя с койки, Бак, но в этом секторе надежнее тебя у меня никого нет.

– Делов-то, кэп! – невозмутимо откликнулся могучий Бак, обрадованный возможностью поболтать – большую часть пути проделали молча, и моряк не решался тревожить погруженного в свои думы начальника, – продолжая сжимать штурвал многомиллионного красавца «Фиеста», стремительно бегущего по волнам. – Я свободен как ветер. К тому же я всегда рад погонять, да и чего машинке простаивать? Начальство еще подумает, что Баку плевать на такое замечательное создание и оно так и будет ржаветь в гараже? Дудки! Девочке тоже нужно показать себя. Не укачал?

– Все в порядке. Не беспокойся. Я привычный.

– Да знаю, кэп. Я так, чтобы поддержать разговор или вроде того, – он помусолил в мясистых губах добрый огрызок смолящей кубинской сигары и любовно провел ладонью по сложнейшей приборной панели из редкого сорта красного дерева, словно ласкал женщину. Этот филиал «Хроноса» был не особо большим, но оснащенным не хуже других, и в первую очередь крепко спаянным персоналом из отлично подготовленных, верных своему делу людей. Промышлявший пару лет назад контрабандой моллюсков Бак был как раз из людей такого сорта.

Рослый, крепкий, перетянут мышцами, прочнее которых был разве что корабельный канат, он всей душой был предан своему делу и в случае неудачи не раскололся бы даже под пытками, а при необходимости мог отдать жизнь. С таким можно было идти на дело.

Стив радовался, что застал Бака на месте – который втайне (как ему самому казалось) иногда за смешную плату катал туристов и их ребятишек на небольшие экскурсии. Но так как работе конторы это никоим образом не мешало и в нужный момент капитан суперкатера всегда был на месте, на это закрывали глаза. Вот и сейчас, под покровом ночи, вдвоем они, погасив все освещение, кроме приборного, стремительно неслись в сторону таинственного острова на горизонте, который обьяло пламя.

– Как думаете, что там? – перетащив сигару из одного уголка рта в другой, решил попробовать Бак, хотя уже заранее знал ответ.

– Пожар, Бак, ты же сам видишь, – вздохнул Стив – симпатия к нему моряка была взаимной, но работа есть работа. Специальный код доступа, на конце которого в отличие от баковского было чуть больше цифр и нолей, проводил между ними определенную черту. – Представь, что кто-то не умеет обращаться со спичками или просто не затушил сигарету. Больше я ничего не могу тебе сказать, дружище. Ты же знаешь.

– Знаю, – совершенно не расстроившись, Бак вытащил сигару и доверительно ткнул ей в сторону пассажира. – Иначе вам придется меня убить.

– Ну, зачем же. Все намного гуманнее, если так можно сказать. Но думаю, в твоей памяти найдется достаточно приятных воспоминаний, которые тебе намного дороже информации, которую придется вместе с ними оттуда извлечь.

– Будьте уверены в этом, кэп. Старине Баку Феллоу есть что вспомнить, начиная с первых увиденных мной женских грудей и заканчивая копотью восстания на Карибах в 2047-м. Мне будет, о чем внукам порассказать. О да.

– Вот видишь.

– Даже представить не могу, как у вас голова до сих пор не разбухла от всех этих важных тайн и правительственных секретов, кэп, – в голосе капитана сочувствие мешалось с доброй порцией гавайской иронии. – Жене-то, поди, не расскажешь за ужином. У вас есть жена, кэп? Есть счастливая мисс Хокс?

– Есть, Бак. И она очень красивая. И двое детей, Кайл и Пэрис, ей все четыре годика.

– А вот у меня пока еще нет, – в голосе Бака послышались мечтательные нотки. – Но Джакунда из соседней деревни решила подбить ко мне клинья. Еще бы, я парень видный, да еще при таком деле. Муджука мне не конкурент. Тоже мне, понторез выискался, даже удочку держать не умеет, а сети и те порвал. Думает, раз у него есть мобильник – он теперь тут самый умный и крутой. Как бы не так. Правда, Фии? – он снова ласково погладил мелко вибрирующий изогнутый рычаг из стойкого гипсопластика переключения скоростей. – Мы-то с тобой знаем, что у тебя под кокетливой юбочкой, правда? Вот подкоплю денег, женюсь на Джакунде, и заживем. Она нарожает мне кучу пузатых детишек, заведу хозяйство, и вы приедете ко мне в гости, кэп. Будем сидеть на веранде дома, который я сам построю, уже и местечко себе присмотрел, попивать ананасовую самогонку и вспоминать былые времена. Как мы вот тут с вами сейчас. А Джакунда приготовит своих знаменитых крабов, тушеных на углях в ягодном соусе, по-беспомощенски – это мы их так про себя называем, знаете почему? Их готовят прямо живыми. У крабов есть определенное слабое место на панцире, на которое если нажать, так крепко-крепко сдавить его пальцами, то он не сможет дотянуться до вас клешнями, и становятся совершенно беспомощными, их просто будет ему невозможно свести вместе, вот тогда-то ты и переворачиваешь его брюхом кверху, и разрываешь, а там самая мякоть... М-м-м. Пробовали таких?

– Нет, – Стив улыбнулся, почувствовав, как во рту предательски навернулась слюна. Что говорить – Бак умел вкусно рассказывать. Единственные живые существа, которых ему доводилось пробовать, были устрицы, когда они с Джилл присутствовали на художественной кон-

ференции, которую она курировала. Крохотные мышцы моллюсков упорно боролись за жизнь, не позволяя добраться до самого сокровенного, но помог острый специальный ножик (он так и не смог их все запомнить и постоянно тушевался и краснел во время банкета, боясь своим неумением невыгодно представить вхожую в артистическую богему жену), под лезвием которого некоторые из них еще и пищали. Он не мог это есть. И видел родные глаза жены, которая, смешно морщив нос, наблюдала, как он с вышколенной невозмутимостью пытается быть «своим», через силу отправляя в рот розоватую студенистую мякоть. Сама-то их тоже не ела, лисица. Скучала по гамбургерам и лимонаду. Но Париж его покорила. Там-то они и зачали младшую дочку, которую и окрестили звучным именем, в честь города, который подарил им столько романтики и драгоценных минут. Все-таки надо было перекусить перед поездкой. Хотя он всегда знал – на голодный желудок работается лучше.

– Тогда приготовьтесь к откровению, кэп. Уверен, сам Святой брат Иисус спустился с небес, чтобы научить женские руки делать такое чудо. Мясо тает на языке. Люблю такую еду. В ней доброта и уют.

Слушая напарника, Стив задумался. Вот она, простая, счастливая жизнь обычных людей. Стив уже некоторое время прислушивался к дразнящему нос запаху терпкого кубинского табака, щекотавшего ноздри. Но он бросил курить уже десять лет как. А баловать себя куцей выпивкой из походной фляги, покуривая не в затяг сигару, – ситуация была не та. Он на задании, в конце концов.

– Ты прав, старина, – разговор о семье успокоил нервы Стива, но надо держать ухо востро. Старый краб, управлявший катером, обладал поистине мистическим даром заговаривать зубы и совершенно непринужденно выпытывать все секреты, хоть у пьяного вдрабадан прощельги, хоть у священника после исповеди, трезвого как стекло. Хотя при этом сам всегда был нем как могила. – Многие вещи в моей работе должен знать только я и никто больше. Таковы правила игры.

– Понимаю. Это как оказаться в первый раз в постели с кокоткой и дать дурака – такое всю последующую жизнь даже сам себе во сне со стыдом припоминать будешь.

– Странное сравнение, – засмеялся Стив. – Но суть показывает.

– Ладно, держите свои секреты при себе, раз такой жадный, – благодушно капитулировал Бак. – Но попробовать-то все равно стоило, разве нет, кэп?

– Думаю, ты бы не простил себе, если б не попытался разведать хоть чуточку, – улыбнулся Стив, снова поворачиваясь к морю.

– То-то и оно, кэп. То-то и оно.

Бак обнажил жемчужные зубы и, возвращаясь к приборам в невысокой кабине, негромко хохотнул. Стив размял пальцы и снова сжал их в кулаки. Все происходящее напоминало начало какого-нибудь лихо закрученного фильма про шпионов или секретных агентов, которыми взахлеб засматривался его младший сын. И вот теперь он сам, стоя на носу несущегося к месту крушения штатного катера Корпорации, всматривался в пылающий горизонт, готовый к новым приключениям. Да уж, старина, Хокс мысленно усмехнулся, – не пора ли тебе на покой, в теплый загородный коттедж, с уютным пледом и бокальчиком «Джека Дэниэлса». Черта с два! Он в отличной форме и даже не нарастил брюшко. А седина только-только стала серебрить ухоженные бачки. Скорее всему виной томики Тома Клэнси, которые частенько, лежа на его конторском столе, вызвали беззлобные подтрунивая коллег. Ну и что – каждый имеет право быть в меру сентиментальным. А приключения Стив любил. Высокий, подтянутый, в недорогой (но и в которой не стыдно показаться на людях) хлопчатой паре – жара в этих широтах в это время года была очень влажная, – фланелевой рубашке с коротким рукавом и элегантно в сандалиях с носками, которым позавидовал бы любой английский денди, собиравшийся в клуб потягивать виски и играть в вист. С красивым обветренным лицом и уверенными веселыми

глазами человека, делающего свое дело и идущего в ногу со временем, но в любой момент способного на головокружительную авантюру. За это, кстати, когда-то его и полюбила Джилл.

Кстати, о виски. Снова перекинув пиджак, Стив выудил из внутреннего кармана пузатую штабную флягу с дарственной гравировкой («*Звездочету от коллег*») и, отвинтив крышку, сначала понюхал тонкий аромат благородного напитка, смешанного с привкусом моря. Романтика, да и только, вот бы Джилл сейчас сюда. Он вспомнил их медовый месяц и круизы на яхте вдоль Итальянской Ривьеры. Молодые, глупые и такие счастливые. Много воды утекло, родились дети. Он сменил работу, его повысили. А жена и сейчас оставалась ягодкой на радость мужу и на зависть друзей и коллег. Стив сделал осторожный глоток и прислушался к своим ощущениям. Немного подержав жидкость во рту, он проглотил ее и тряхнул головой. Так, парень, к черту, соберись. Это не увеселительная прогулка, и ты не на экскурсии. Хотя окружающая обстановка приближающегося тропического курорта настраивала на определенный лад.

Эта ночь тоже была исключительной, и как бы Стив себя не обманывал, но он нервничал, а в таких случаях глоток крепкого алкоголя помогал ему как нельзя лучше. Сегодня особенный случай. *Исключительный* случай.

Что он вообще знал о Гавайях? Расположены на Гавайских островах в центральной части Тихого океана. Площадь – 28 311 квадратных километров. На острове Гавайи находятся действующие вулканы Мауна-Лоа и Килауэа, спящий вулкан Мауна-Кеа. Тропический пассатный климат. Среднегодовая температура 18–25 градусов по Цельсию. Осадки до 4000 миллиметров в год. Влажные тропические леса и саванна. Голые девицы, пестрые рубахи, пышные венки из цветов. Обычные скупые факты из туристических открыток, на все лады заманивающие обывателей покрасивее расстаться с кровно заработанными. Не более и не менее. Стив поймал себя на мысли, что никогда в жизни не видел вулкан, пусть даже не действующий. Интересно, а на этом острове он есть? Пока разглядеть что-либо в пылающем пламени, перемешанном с чернильной палитрой тропической ночи, было трудно. Надо будет выбраться сюда или на Тенерифе, когда все поуляжется.

Изогнутая линия райского берега, объятая пожаром, приближалась. Теперь можно было различить отдельные детали и фрагменты побережья. Мятущееся пламя, которого еще было не слышно за шумом волн и размеренным рокотом двигателя, расплзшись по берегу на несколько километров, пожирал волнующиеся силуэты деревьев и пальм, почерневших и обугленных, словно скелеты коктейльных зонтиков, опаленных зажигалкой. Горело несколько туристических бунгало, с декоративных соломенных крыш которых к небу поднимались мириады кружащихся светлячков. Ветром они обгоняли мятущееся языки пламени, в бешеной пляске старавшиеся словно дотянуться до холодных раскинувшихся звезд, и там исчезали. А некоторые, наоборот, становились отчетливее и описывали в воздухе размеренные круговые движения, иногда снижаясь, иногда, наоборот, поднимаясь еще выше.

Стив сделал еще глоток и, закрутив крышку, спрятал ее в пиджак. Ну, разумеется, они уже здесь. Военные в таких ситуациях прибывают к месту катастрофы с поражающей мозг скоростью и организованностью. Оглянуться не успеешь, а вокруг какого-нибудь секретного товарняка, не доехавшего до Невады, или решившего задержаться в Альпах грузового самолета, всего за несколько часов словно по волшебству вырастает хорошо укрепленный и вооруженный до зубов лагерь. А парни с базы в Перл-Харборе последнее время просто-таки изнывали от безделья на надраенных до блеска авиационных палубниках и линкорах. Черт! Если вояки их опередили, значит, с его заданием могут возникнуть проблемы разного толка. Начиная от неизбежной бумажной бюрократии и экстренных звонков по верхушкам, которая ой как не любит, когда ее дергают из постели, до извечной твердолобости и упрямости солдат. Нехорошо. Но что делать, как известно, не мы выбираем ситуации, а только их создаем. Или всему виной случай? Стив никогда не страдал суевериями и полагаться привык только на собственные силы.

Берег приближался, и перед агентом во всей красе предстала грандиозная панорама разрушения. Разумеется, они увидели все из первых рядов. Интересно, сколько пострадавших. Хотя у оказавшихся в самом эпицентре не было ни малейшего шанса скрыться от ужасающей длани, объятай пламенем падающей звезды, столкнувшейся с поверхностью планеты со скоростью пять километров в секунду. Все, кто так или иначе находился поблизости, моментально превратились в пар. Интересно, какое общее количество жертв? В этот момент приближение судна конторы заметили с курсирующего вдоль берега катера, и судно, плавно дав кругалю, набирая скорость, устремилось наперерез Стиву, скользя по волнам, в которых кровавыми красками отражалось пламя. Создавалось ощущение, что лодка пересекает горящий Стикс, вынырнув из самых недр Преисподней.

– Катер, сэр, – высунувшись из кабины за его спиной, на всякий случай предупредил Бак.
– Вижу, – не оборачиваясь, откликнулся Хокс. – Продолжай движение. Я разберусь.

Очень на это надеюсь, подумал он и, надев пиджак, проверил аккуратно разложенные по карманам бумаги и пропуска – его постарались приготовить ко всем возможным препятствиям. Катер приближался, сбавляя скорость. Противно завизжал настраиваемый громкоговоритель, и над водой гулко скользнуло скрипучее эхо. В лицо заслонившегося ладонью агента ударил тугой луч прожектора.

– Неопознанное судно, включите опознавательные огни и немедленно сбавьте скорость! – потребовал искаженный динамиком голос. – Повторяю! Неопознанное судно, включите опознавательные огни и немедленно сбавьте скорость! Вы пересекаете границу, подконтрольную правительству Соединенных Штатов! Введено чрезвычайное положение. Повторяю! Неопознанное судно, включите опознавательные огни и немедленно сбавьте скорость!

– Ладно, глуши, – поморщившись, Стив обернулся к кабине капитана и плавно махнул рукой, чтобы военные – а к какому роду служб относилась приближающаяся лодка, сомнений больше не оставалось, – не приняли это как проявление агрессии, и катер корпорации – пятнадцатиметровый красавец, окрещенный Баком «Фиеста», с водоизмещением 3,5 тонны (и отдельной парочкой сюрпризов для особо ретивых на борту) – стал плавно замедлять ход. – Сейчас разберемся, с чем к нам пожаловали.

Хотя внутренне он уже понимал, что теперь рутины и постоянного предъявления пропусков направо и налево, дергая рукой, как китайский болванчик, уже точно не избежать.

– Неопознанное судно, назовите себя! – продолжал требовать прятавшийся за ослепительным лучом света голос патрульного.

– «Фиеста», бортовой номер... – поднимая руки перед собой, в одной из которых было зажато удостоверение, жмурясь, прокричал Стив. – Будьте любезны, уберите свет!

– Назовите себя! – продолжал с заикленностью машины требовать невидимый патрульный. Словно это вообще был не человек, а заранее подготовленная запись, с монотонностью записанного сообщения повторявшая одно и то же. Стив терпеливо представился, поднимая руку с удостоверением выше над головой. – Сбавьте скорость и сохраняйте спокойствие!

– Мы давно стоим, и я вообще-то молчу, – не слишком агрессивно, но все-таки достаточно раздраженно огрызнулся на предложение (или скорее на приказ) Стив. – В чем, собственно, проблема? Вот документы.

– Поднимите выше! Без резких движений!

Катер-патрульный – на секунду коротнуло в мозгу. Сканирует... О новых кибернетических игрушках военных Стив знал не понаслышке. Не приведи бог, к ним пожаловала одна из таких. Оборудованная искусственным псевдоинтеллектом, в соотношении огнестрельно-пороховых-игрушек и мозгов на борту которой явно лидировал первый пункт. В народе их называли Тамагочи с хлопушками. Воякам только дай волю показать силу да хвастануть новой высокотехнологичной «обновкой», которая, конечно же, как всегда, уверенно надает под зад всем

плохишам, включая террористов, солдат вражеской армии и еще черт знает кого, заканчивая кинематографической Годзиллой.

Разнесут на хрен негодных ракетами и жужжащими модифицированными авиационными шестидулками калибра 45 мм, под огнем которых даже титановая броня превращается в податливую фольгу, не разбираясь, кто прав, кто виноват (Стив как-то видел черно-белую запись, одна минута которой навсегда поменяла бы представление человечества о мирных «роботах» и человеческой крови, – одних зэков на последних испытаниях установки «Фелича-237», разрабатываемой для ведения боя в условиях высокого и неконтролируемого перепада температур и низкого давления, погибло 256 человек. Которых с тупым равнодушием безжалостно списывали для таких вот экспериментов из самых страшных казематов страны. Изгои, убийцы, насильники и педофилы. Пушечное мясо, обколотые обезболивающими и транками овощи, послушные марионетки для безжалостных тестов и экспериментов. Навсегда забытые, проклятые обществом. Скот. У лабораторных крыс и мышей по сравнению с ними и то было больше привилегий.

Об этих людях никто больше никогда не вспомнит и на которых всем уже давным-давно плевать. Живые люди. Жизнь которых вместе с биением разорванного в клочья сердца прекращалась на скручивающейся, подобно лоскутку масла, намазываемого на ломоть, под давлением пламени бумажке многочисленных документов, сжигаемых в крематориях тюрем. После открывшейся правды Стив три дня спал на первом этаже их дома, не решаясь смотреть жене и детям в глаза, а потом дружно ломанулся назад по всем каналам, со щенячьей преданностью трубя об уничтоженном противнике и вовремя «локализованном конфликте в зоне повышенного напряжения».

Хокс подобрался. Воспоминания были еще слишком свежи. Его настоящее, то, о котором с таким вдохновением грезили фантасты стольких эпох, на поверку оказалось таким же обыденным, равнодушным и нечеловечно жестоким. Правы были только Оруэлл и Брэдбери. Все люди скоты. Тупые, озлобленные, размножающиеся твари, хищники, которых вскормила земля. Рабы инстинктов, амбиций, денег. И ничего не противопоставить этому. Геном человека не падет никогда. Поэтому Стив военных ненавидел особенно остро.

– Все в порядке, сэр! Извините за неудобство, но у нас тут такое творится, сами видите. Будто сам черт в гости пожаловал – велено проверять всех и каждого, – предъявленные Стивом документы явно посбивали спеси с молодого парнишки в полном натовском обмундировании и каске, показавшегося из-за клюнувшего лучом в палубу патрульного катера прожектором. Хокс подслеповато проморгался, пряча в карман корочку со спецпропуском, специально выданным в отделе на случай дополнительной проверки. – Без спецпропуска никого не пускать. Для всех подразделений введен код «Лиловый». А то журналоги и гринписовцы совсем с катушек слетели. Прут, как мухи на мед! Насчет вас тоже получены особые инструкции.

– Интересно, какие же. – Начало предприятия с каждой минутой начинало нравиться Стиву все меньше.

– Только досмотр. Никакого взаимодействия с объектом, фото-, видеосъемка и ведение конспекта непосредственно на месте крушения строго запрещено. Допуск только к информации первого уровня, код... – крепче сжимая цевье винтовки, чеканил солдат-патрульный, явно торопясь побыстрее выдать все залпом, чтобы не дай бог не выпустить чего-нибудь важного из заученной до зубовного скрежета протокольной аудиограммы, поступившей сразу после начала «прецедента».

– Не забываетесь, солдат, – подлив в голос желчи, оборвал Стив. – Кто командует операцией? Назовите себя.

– Извините, сэр! Генерал Харрис, сэр!

Вот черт.

– Лейтенант, Джейсон Биггс, сэр! Тихоокеанский, десятый¹. Командирован на объект, предписанием...

– Ну, хватит, – Стив нетерпеливым жестом оборвал заученную чеканку солдата, щедро подкрепленную сэрством. – Я все понял. Мне можно продолжать движение или так и оставите глазеть на всю эту красоту отсюда? У меня, между прочим, билет в первый ряд, если не видите.

С этими словами он козырнул еще одним пропуском, выданным на самый крайний случай, на самом верху. Сарказм парню понравился. Он заметно расслабился, закинул винтовку на плечо, просунув большой палец под ремень, позволил себе куцую усмешку.

– Да, порядок, сэр. Просто мы не ждали, что вы так скоро придете. Следуйте за моей лодкой – пожарище нужно обойти. Основной очаг потушили, но пламя все еще бушует, – и, все-таки не выдержав и стусевавшись, совсем тихо добавил: – Только не заносите в протокол.

Внешне хорохорится, пыжится, а на самом деле смертельно боится. Видали таких. Видит, что не разглядел высокое начальство, прозевал ситуацию, напортачил, перепутал код. Ребенок. И зачем их сюда посылают, мало у вояк твердолобых. Этому еще расти и расти. Впервые нюхает порох, даже не подозревая о том, что обо всем, что случилось и произойдет в дальнейшем, сегодня не сможет рассказать не только своей рыдающей от неизвестности и тревоги подружке, но и специальной бригаде психологов и мозгоправов, которые придут несколькими часами позже. Тогда вспоминать уже будет нечего. Да и незачем.

– Ладно уж, – смиловился Стив, решив в кои-то веки сыграть доброго старого папочку. – Ты делал свою работу, я – свою. Останемся каждый при своем. Ты все делаешь правильно, сынок. Страна гордится тобой.

Зачем выдал под конец шаблонность, но явно сработало. Тускло освещаемое потоком света от прожектора, косо бьющего в палубу катера, лицо патрульного пошло красными пятнами. Все. Теперь щенок приручен и последует за хозяином и в огонь, и в воду, и в сам чертов ядерный реактор. Стив вздохнул. Молодо-зелено.

– Спасибо, сэр! – вытянулся по стойке «смирно» мгновенно воскресший солдат. – Следуйте за нами. Я покажу, где можно будет причалить вашу лодку без лишних проблем.

– Лодку, – недовольно пробурчал Бак, все это время внимательно прислушивающийся к разговору, и снова ревниво погладил ручку переключения скоростей. – Слышал, как он тебя назвал, девочка? Ничего, не обращай внимания, он просто завидует. Пусть лучше повнимательнее следит, как бы его собственное корыто ненароком не пошло на дно.

– Бак, не зевай, – поторопил с носа Стив, когда патрульный катер закашлял двигателем и, выставив на обозрение агенту приплюснутый зад с расчехленным пулеметом, над которым полоскался полосатый флаг, неторопливо направился к берегу.

– Я за вами, кэп, – откликнулся моряк, плавно направляя «Фиесту» следом.

¹ Основные командования ВМС США – Тихоокеанский флот, Командование военно-морских сил США (бывший Атлантический флот), Военно-морские силы в Европе, Командование морских перевозок. В оперативном отношении ВМС США подразделяется на шесть флотов: Третий, Четвертый, Пятый, Шестой, Седьмой, Десятый.

Глава третья

<начало аудиозаписи> Говорит доктор Саманта Риз, штатный психолог колонии «Эс-Эс-Венчур»!

У нас критическая ситуация! Техники Лао и Коробцов погибли.

Большинство жилых и технических отсеков колонии разгерметизированы.

В энергетическом блоке пожар, и я боюсь, что с минуты на минуту там случится взрыв.

Генри Оуэн, руководитель экспедиции... <конец записи>

Последняя аудиопередача, зафиксированная во время закодированной трансляции и принятая с первой марсианской колонии «Эс-Эс Венчур» за двадцать минут до катастрофы.

Зафиксирована в 23:00:16 секунд по Гринвичу.

Национальный Космический Центр. Лондон.

15 февраля, 2057 год

Несмотря на заверения лейтенанта Биггса, причалить удалось далеко не сразу. Огонь от эпицентра крушения распространялся во все стороны, пожирая деревья и расширяясь плотным кольцом. Часть его к этому времени уже успели потушить, с переменным успехом отгоняя непослушное пламя к берегу, в надежде изолировать его водой. Пока Бак пришвартовывался к пирсу, по которому сонными удавами змеились сосущие из моря воду шланги пожарных, Стив рассматривал царящую на берегу неразбериху из машин и людей, стараясь уловить ситуацию. Мимо пирса, громыхая рессорами, прокатили два военных грузовика с открытыми кунгами, заполненными солдатами.

– Бак, остаешься на лодке, – одергивая пиджак и стараясь напустить на себя как можно больше важности, скомандовал Стив, ступая на дощатый пол, по которому к нему уже спешил Биггс с еще одним патрульным. – За старшего, в случае чего. Точнее, в любом случае или непредвиденной ситуации сразу звони мне, понял? Если понадобится, позову.

– Да уж можете не беспокоиться, – буркнул высунувшийся из рубки Бак. – Я тут за всем как следует присмотрю. На связи, кэп. Только свистните.

– Отведите меня к генералу, лейтенант, – Стив повернулся к солдату и зашагал с ним на берег.

Долго идти не пришлось. Уже через сотню метров перекрикивающаяся бригада пожарных уверенно теснила огонь, щедро поливая мятущиеся языки пламени пышными хлопьями пены. Пахло древесиной, горелой мебелью и еще какой-то химией, от которой покусывало легкие и щипало в ноздрях. Только сейчас Стив обратил внимание, что почти все находящиеся вокруг него люди носят респираторные маски. Мелькнуло несколько армейских противогазов. Как же он не подумал, черт! Выудив из нагрудного кармана носовой платок, он прикрыл им нижнюю часть лица.

– Вот, сэр! Наденьте, – вившийся вокруг него Биггз протянул невесть откуда добытую маску, и, благодарно кивнув, закашлявшийся Стив быстро ее натянул и подошел к краю огороженной, ярко освещенной прожекторами по периметру глубокой ямы, на дне которой, зарывшись округлым носом в перепаханный дерн так, что на виду оставалась только задняя часть корпуса с погнутыми блюдами турбин, лежала спасательная одноместная капсула, которая и являлась источником царящих вокруг разрушений.

Сердце Хокса заколотилось быстрее, споткнувшись с удара на удар. Вот наконец-то он перед ним. Корабль. Корабль, прилетевший из *космоса*! Миг, о котором он мечтал, которого упорно ждал столько долгих томительных лет. Хокс буквально пожирал глазами корабль, особенности строения которого сразу вызывали в мозгу перечень необходимых фактов. Он искал бортовой номер – цифры были опалены и потускнели, но и этого агенту, знавшему наизусть всю космическую технику США, начиная от спутников-искателей до громоздких колониальных транспортеров, было достаточно.

Спасательная капсула с МКС «Феникс»! С той самой станции, трагически погибшей много лет назад в результате неполадки, приведшей к несчастному случаю. Так, с экранов и из газет трубили во всех уголках мира почти целых полгода. Настоящей правды не знал никто. Даже Стив, поскольку докапываться и что-либо исследовать не было возможным по причине того, что от дрейфующей в космосе где-то на полпути между Землей и Марсом громадины осталась только мельчайшая космическая пыль. Важнейшую спецоперацию за всю историю «Хроноса» списали на дальнюю полку в архив, налепив на обложку гриф «Совершенно секретно». Исчезнувшая навсегда команда состояла из отлично, с такой тщательностью подготовленных астронавтов не только с их стороны.

Стив искал глазами представителей второй конторы. Агенты «Х-1» и «Х-2», а о том, кто из членов экипажа на самом деле был завербован для задания, знали только несколько человек на самом вершине. Инструкции были отработаны по многу раз и предельно ясны. Но никто так и не вернулся. Передача длиной всего в миллисекунду, пришедшая на мыс Канаверал, стала последним сигналом, после которого в эфире наступила абсолютная тишина, возвестившая о провале и конце операции.

И вот спустя столько лет спасательный бот – с той самой станции – совершенно невероятным образом достигает Земли. Был ли он пилотируемым, или просто это результат обдумавшей бортовой электроники, за секунду до уничтожения выстрелившей капсулу в пространство? Конечно, модулем не мог управлять человек. Сторонясь не обращающих на него внимания военных – теперь стало понятно, почему они мгновенно прибыли на место и перехватили ситуацию под свой контроль, – Стив обошел яму по кругу и не обнаружил длинной борозды, тянущейся от хвостовой части судна. Затухающей искусственной звездой капсула вертикально упала на землю.

Он сдержал себя, чтобы не плюнуть на формальности, не начать спускаться к модулю прямо сейчас, чтобы поскорее прикоснуться к нему. Ладонью ощутить поверхность, побывавшую в самых глубинах космоса, до сих пор упорно не желавшего покориться настырному человечеству. Но, конечно же, делать этого было нельзя, так как корпус был еще невероятно горячим, и мужчина даже со своего места отчетливо ощущал доносившийся от него жар.

В свете новых событий и внезапных догадок модуль с международной станции представлял для его корпорации целую сокровищницу бесценной информации. Стив прекрасно знал, что на борту «летучек» такого типа имелся штатный бортовой самописец. Но конечно же, сразу этого делать было нельзя, поэтому Стив, стоя в стороне, смотрел, как группа военных, быстро работая, начинает устанавливать над ямой разборный защитный купол. Они бы еще колючую проволоку привезли. Хотя от этих ребят можно и не такого ожидать. С них станется. Составив в уме беглый отчет из нескольких коротких, но скупых информационных фраз, он достал телефон, чтобы первично отчитаться в контору.

– Так! Это еще что такое! – грубый оклик, скорее походивший на рев, заставил Стивена вздрогнуть и завертеть головой, словно птицу, почувывшую охотника. – Кто пустил на объект постороннего!

– Сэр! – материализовавшийся рядом со Стивом лейтенант Биггз вытянулся по стойке «смирно». – Человек из конторы, сэр. Документы предъявлены, сэр!

– Это не музей, а военная операция. После проверки лица вы должны были оставить его на границе периметра, затем немедленно связаться с командованием, то есть непосредственно со мной, по полной программе отчитаться, чтобы получить точные инструкции касательно своих дальнейших действий, – лейтенант Биггз заметно сник под стремительной командирской речевкой, в которой расстояние между словами и междометиями были максимально короткими. Да уж, Стив едва заметно передернул плечами, такой крепкий орешек ему будет не просто заполучить на свою сторону. – И как мы можем говорить о какой-либо дисциплине, если каждый желающий спокойно попадает в сектор! Я не говорю уже о секретности, лейтенант. Сэр, немедленно покиньте территорию!

– Генерал Харрис, сэр, – Стив кивком приветствовал широким шагом приблизившегося военного и протянул ему удостоверение. Едва удостоив его взглядом, подошедший мужчина упер в бока кулаки и сморщился как от зубной боли. Рослый, плечистый, мясистый приплюснутый нос, волевой взгляд из-под густых широких бровей, короткий полубокс, едва припорошенный сединой. Типичный представитель своего ремесла. И, продолжая мусолить удостоверение в опущенных руках, скисший Стив приготовился к самому худшему.

– Когда же вы все закончите, – тут же оправдал его опасения генерал. – Невозможно спокойно работать.

– А что, были другие? – не ожидавший такого «теплого» приема Стив поначалу растерялся, не понимая, о ком идет речь. А, сообразив, стал внимательнее коситься по сторонам, стараясь украдкой и как можно более непринужденнее высмотреть среди суетящихся людей силуэты конкурентов.

– Представьте себе, – изборожденное морщинами лицо генерала, словно смятый клочок бумаги, не выражало никаких эмоций. Цепкие серые глаза отливали холодной настороженной сталью. – Мне очень бы не хотелось, чтобы такие, как вы, еще появлялись и отвлекали меня от работы пустой болтовней.

– У меня специальное разрешение и приказ доставить находящуюся на борту этого спасательного корабля всю возможную информацию, а также бортовой самописец, для последующего изучения и извлечения информации, имеющей статус государственной важности, – сглотнув и медленно выдохнув, Стив постарался говорить как можно более вкрадчиво. – Вы понимаете, какой статус я имею в виду?

– Да ну. Приятель, да у меня просто глаза открылись, – с нотой иронии парировал генерал, в то время как ни один мускул не дрогнул на его лице. – Слушайте. Вот в этом кармане, – Харрис демонстративно похлопал себя ладонью по оттопыренному нагрудному карману военной рубашки, – специальное разрешение от самого президента, завизированное таким количеством закорючек, что хватило бы на бульварный шпионский роман. Я ни черта не смыслю в бюрократии, к тому же у меня нет на нее времени, да и мне, если честно, по большому счету, плевать! Я выполняю приказы – они мне даны и подписаны. Прибыть в сектор, обнаружить модуль и вскрыть его. Потом дальнейшая транспортировка до новых указаний. Мир прост и ясен. Поэтому можете сколько угодно брызгать слюной и размахивать своими бумажками, это ровным счетом ничего не изменит, можете мне поверить. У меня прямой приказ сверху, и я действую согласно предписанию. А теперь не мешайте работать.

– Вы не имеете права, – Стив снова попытался придать своему голосу властности, чувствуя, как стоящий перед ним вояка выбивает из него весь приготовленный бравый задор. Хорошо еще на лице была маска, а то бы дыхание с привкусом виски не прибавило ему дополнительных очков в глазах генерала. Скорее наоборот. Не стоило вообще пить. – Вот документы, подписи... видите? У меня есть четкие инструкции касательно космического корабля и информации, которая находится на борту...

Последнюю часть фразы заглушил пронесшийся у них над головами военный вертолет, от которого покачнулись разлапистые пальмовые верхушки, до которых не успело докатиться пламя. По истоптанной армейскими подошвами земле мазнуло бледное пятно прожектора.

– Я прекрасно знаю свои права, – обрубил Харрис, и Стив послушно направился вслед за зашагавшим вдоль пожарища генералом, с неприязнью ощущая, что теряет с каждой секундой контроль над ситуацией, безоговорочно капитулируя перед железной выдержкой Харриса. – У меня здесь четыре подразделения хорошо вооруженных парней, поднятых по красному коду, – не устаивая вниманием происходящее, на ходу указывал по сторонам тот. – И двести пятьдесят человек, которым нужно срочно объяснить, почему им немедленно придется прервать свой дорогооплаченный отпуск. С этим проблем не будет. Введено чрезвычайное положение. Разберемся. К утру эта территория будет полностью изолирована от обывателей, прессы и зевак. Еще через сутки ничто на этом чертовом побережье не будет хоть как-то напоминать о том, что здесь что-то упало, а уж тем более был пожар. Усекли? Хорошо, тогда вскрывайте эту штуковину. Шлюзовой люк заклинило намертво, так что будем выпиливать. И не подходите близко, пока не убедитесь, что внутри нормальный фон. Не хватало только еще поджариться у самого порога. Мы не можем тут вечно торчать! Живее, парни, живее! Шустрее шевелите конечностями!

– Огонь локализован, сэр, – стянув на шею респиратор, отчитался подбежавший к Харрису начальник пожарной бригады.

– Отлично! Первые хорошие новости за пятнадцать минут! – кивком одобрил генерал и зашагал к подкатившему «Виллису». – Ну, посмотрим, что за супчик у этой штуки внутри! Выкатывайте манипулятор!

Из кузова «Хамви», в котором располагался передвижной мобильный пункт инженерной бригады по аппарели, с жужжанием выкатился гусеничный дроид-исследователь, используемый для обезвреживания бомб и поиска пострадавших в результате завалов. Деловито шевеля многочисленными руками-манипуляторами, он двинулся к почти полностью укрытой куполом яме, в которой лежала капсула, управляемый солдатом-оператором, держащим на коленях пульт дистанционного управления. Стив напряженно следил за движениями робота, приближавшегося к кораблю, на время позабыв о своих препирательствах с генералом. Симбиозу баснословно дорогой техники и искусственного интеллекта выпала честь быть первооткрывателем.

Стив почувствовал необоснованный укол ревности, но безопасность людей была превыше всего. Подкатив к кораблю с левого борта, дроид высунул одну из лап-манипуляторов, на конце которой вспыхнула алая точка плазменного резака. Все, кто находился в этот момент поблизости, включая военных, напряглись и затаили дыхание. Тишину нарушал только шум прибоа и оставшегося кое-где огня да грохот лопастей проносащихся туда-сюда вертолетов.

– Приступайте, – выждав драматическую паузу, тем самым подчеркивая для присутствующих значимость и важность момента, одними губами приказал Харрис. – Вскроем его через шлюзовой отсек согласно с чертежами. Парни. Вас к этому готовили, вот он – ваш звездный час! Только черт тебя дерит, Дэйв, постарайся не промахнуться ради всего святого. Один лишней сантиметр, и все, что от нас останется, уместится в спичечном коробке.

Стив нервно сглотнул. Сейчас ему как никогда остро захотелось, чтобы сражавшийся с кнопками Дэйв не посрамил хваленую армию, в которую набирают «из лучших».

– Да, сэр, – слушая его приказы, солдат-оператор не поднимал головы, продолжая колдовать с управлением. – Я все понял, сэр. Не волнуйтесь, сэр.

Коснувшись поверхности капсулы, дроид медленно повел плазменным резаком, следом за которым потянулась оранжевая полоска шва. Плюнув на режущий легкий воздух, Стив сорвал с лица респиратор, от волнения и напряжения ему было трудно дышать. Вот сейчас. Вот еще немного. Вот он, тот самый момент. К черту условности, он так или иначе все равно находится здесь. Он среди избранных.

Сотрудники второй конторы, разумеется, тоже были здесь. Плечистый здоровяк с внешностью Кларка Кента, не добредшего до телефонной будки, и помятого вида блондинка угрюмо топтались в стороне, под присмотром еще одного лейтенанта, и изредка поглядывали в сторону Стивена. И судя по кислым мидам, тоже не солоно хлебавши. Успевшие первыми овладеть ситуацией военные не делали различий между вторыми и первыми, левыми-правыми, зелеными, белыми... да хоть кем. Сыплющая приказами, лязгающе-суевающаяся военно-пушечная машина генерала Харриса была запущена в полную силу, и, судя по лицу последнего, которое, драматично скользя по щекам, лизали алые отсветы угасавшего пламени – выползи сейчас из преисподней сам Люцифер с кишасими ордами своей рогато-хвостатой нечисти, – его бы неминуемо подмяла под себя несокрушимая длань военно-морских сил США. Что говорить, эти парни знали свою работу.

Перехватив взгляд блондинки, Хокс злорадно ухмыльнулся – от ворот поворот дали не только ему, и бюрократ где-то глубоко у него внутри довольно потер ладошки, ехидно похихивая. Девушка покусала губу и, отвернувшись, полезла в карман за мобильником. Придумывает, как будет оправдываться, что Харрис прищемил хвост, ясное дело. Несмотря на возникшие неожиданные проблемы, ставящие саму операцию по захвату самописца под угрозу срыва – жить с мыслью о том, что заветная секретная информация также не попадет в руки конкурентам, было чуточку легче. Значит, еще не все потеряно, хотя каким образом теперь выковыривать заветный самописец из цепких лап Харриса, Стив пока еще не мог придумать. Ладно. Он будет действовать по обстановке.

Тем временем шипение резака прекратилось, и оператор вновь застучал по клавишам, посылая в позитронный мозг робота очередную тактическую задачу. Шов на обшивке капсулы сомкнулся, и управляемый робот сменил «руку» с резца на хватательный манипулятор. Сенсорные датчики, втянувшись внутрь «кисти», сменились многосегментными подвижными щупальцами.

– Вот он, момент, – Стив вздрогнул, – стоявший рядом Харрис возник словно из ниоткуда, неотрывно следя за роботом.

– Вы о чем? – не понял Хокс.

– Эта хрень проделала в абсолютном вакууме и тишине путь, равный половине человеческой жизни. Не прикидывайтесь, у вас, космического отдела, наверняка допуск к информации того самого уровня, при работе с которым принято узнавать подробности, – рявкнул он, заранее пресекая возможные возражения собеседника. – Что там внутри? Подделка китайцев, русских? Вакуумный заряд? Биологическое оружие или космическая чума, нано-шпион, термоядерная бомба? Или наш собственноручный прикол? Или это очередная уловка, чтобы переключить внимание парней из Кремля?

– Вы были не в курсе подробностей экспедиции? – Стив даже удивился, внимательно посмотрев на стоящего рядом генерала.

– Конечно, не был, – не отрывая взгляда от робота, который извлекал из обшивки фрагмент, проворчал Харрис. – Нам на голову каждый день сыпется подобная хрень, даже успеваешь устать от скуки. Парень! Ты в своем уме? Откуда я могу знать? Кто вообще это мог предвидеть? Ты, я, Господь Бог?

– Но локаторы, спутники, телескопы, наконец... – продолжал приводить все новые доводы Стив, наблюдая, как по команде генерала робот уехал обратно к «Хамви» и к капсуле неторопливо зашагал человек, облаченный в грузный комбинезон противорадиационной защиты. – Как его можно было не заметить?

Подобравшийся к кораблю исследователь включил фонарь, немного помедлил и, пригнувшись, осторожно полез в модуль. Воцарилась абсолютная тишина, всеобщее напряжение достигло предела. Блондинка и «Кларк Кент» тоже подошли ближе и встали по другую сторону от генерала. Внимание всех присутствующих было сконцентрировано на корабле.

– Сэр! Тут человек! – внезапно донесся из капсулы голос, по внутренней связи выведенный на коммутатор генеральского «Виллиса».

– Что? Что вы сказали, солдат? – не сумев совладать с напряжением, Харрис вдавил кнопку рации и сделал несколько шагов вперед. Ему на миг показалось, что он ослышался. – Повторите, что вы видите!

– Повторяю, сэр. Внутри капсулы человек, мужчина. Средних лет. Белый. Без сознания, но определенно живой. Нашивки Военно-Космических Сил США. Сейчас посмотрю жетоны...

– Господи Иисусе, – опуская рацию, пробормотал Харрис и посмотрел на Стива, который на мгновение уловил на лице генерала скользнувшее выражение растерянности и удивления. – Это еще что за хрень?

– Человек? Средних лет? Но как это возможно. Это же спасательный модуль, не рассчитанный... – Стив судорожно подыскивал в памяти хоть какую-то информацию, способную объяснить происходящее. – Если верить нашей информации, он провел в полете без малого шестьдесят лет.

– Пятьдесят четыре, – не поворачивая головы, негромко поправила блондинка.

– Не знаю. Ничего не понимаю, – неуверенно проговорил генерал, но тут же упрямо тряхнул головой, собираясь и стряхивая вызванное неожиданной новостью. – Главное, что он вернулся. Вернулся домой. Давайте его вытаскивать!

Глава четвертая

Мы не виделись с тех пор, как были детьми.
Ты воскрешаешь воспоминания о том,
что мы когда-то творили. Помнишь, как ты залезал на дерево
и представлял, что летаешь?
Хочешь ли ты стать космонавтом и жить
на небе?
Сейчас у тебя стопка счетов к оплате и куча
детей,
И ты забыл о том, чем мы когда-то занимались.
Таким тебя сделал этот город,
И ты стер память о том, о чем когда-то мечтал.

Oasis, D'Yer Wanna Be a Spaceman

Что чувствует человек, внезапно пробудившийся от долгого крепкого сна, лишённого каких-либо сновидений? Гай сам никогда об этом не задумывался, до того самого момента, как проснулся. Его заставили это сделать. Первые мгновения он был дезориентирован, мозгу и рефлексам нужно определенное время, микросекунды, на то, чтобы помочь организму адаптироваться к внешним воздействиям и окружающей его обстановке. Иногда возвращаться к реальности тяжело, иногда с новой силой наваливается усталость и переутомление, головная боль, являющаяся последствием тяжелой работы или хмельной предудикендной пятницы... Или, наоборот, ясность сознания, прилив сил и энергии... А есть и такая разновидность пробуждения, когда вам до смерти хотелось бы снова заснуть. Закрывать спасительными веками глаза и больше не открывать их. Зажмуриться изо всех сил, чтобы не видеть мир вокруг. Реальность, в которую выкинуло прихотью незримого кукловода. Вернуться в спасительный и обманчивый мир грез и образов, дарящий смешанные ощущения и призрачное ощущение обманчивого покоя.

– Я виноват... это моя вина! – человек заговорил во сне и, открыв глаза, некоторое время не моргая смотрел в потолок, дотронулся ледяной ладонью до пота, который ручейками струился с горящего лба, на который налипли волосы.

– ...моя вина, – одними губами, в которых не было ни кровинки, словно молитву, прошептал он.

Сунув ноги в одноразовые стерильные тапочки – микроклимат в помещении, где содержался Гай, менялся медленно, плавно трансформируясь в привычный земной из того, что окружал летчика на борту спасательной капсулы, – он оперся на прислоненную к изголовью койки трость и, покачнувшись, с трудом поднялся. Перед глазами поплыли переливающиеся психоделические круги, сильно замутило, и к горлу подкатил ком.

Некоторое время Гай оставался неподвижен в скрюченной, неестественной позе, в полутемном освещении комнаты похожий на сломанный манекен. Выждав еще немного, он медленно поднял голову и осторожно открыл глаза. Подойдя к широкому панорамному зеркалу во всю стену, Гай прислонился к холодной поверхности лбом и некоторое время смотрел в глаза своему приближенному отражению. Он не помнил это лицо. Он не знал его. Чувствовал только мышцы под кожей, прикосновения смеживающихся век, монотонное биение сердца, словно не собственного, а чьего-то чужого. Словно его душу по какой-то ошибке насильно запихнули в незнакомый бурдюк из мяса и костей, по ошибке названный человеком. И тем не менее это было его собственное лицо. Это был он сам. Кто? Кто он такой? Только куцые

обрывки призрачных рваных воспоминаний, швыряющих в пучину промозглого одиночества. Ни родственников, ни друзей, ни семьи. Только безмолвная иссиня-черная пучина космоса.

– Ну, как он, док? – прекрасно осознавая, что Гай все равно не может его видеть и слышать, специальный агент федерального бюро расследований Бронсон, пожившись, отстранился, ощутив, как по могучей спине побежали мурашки. Он расправил широченные, в два обхвата плечи, от которых жалобно заскрипел отлично сидящий «Джон Филлипс», и снова посмотрел на фигуру за стеклом. На этот раз в его взгляде явно прочитывалось уважение. Настоящий космический путешественник. Не рекламная выдумка и не нанятый качок-актер, забаханный на радость школьникам сценаристами из дешевого сериала, а его земляк, настоящий астронавт, исследователь и герой – вот он здесь, перед ним. Усталый, растерянный, едва держащийся на ногах живой человек из плоти к крови, по сравнению с пергаментным цветом кожи которого белоснежные стены его бокса выглядели грязными застиранными простынями. Космический ковбой, по сравнению с которым разудалый Хан Соло, на раз пронизывающий Галактику на сверхсветовой, был просто сопливым глянцевым фантомом из девчачьих пубертатных снов. Смельчак Метьюс заглянул в глаза самой Неизвестности, и Том уважал его, мысленно тщетно пытаясь представить, сколько медалей в ближайшие месяцы украсят эту тщедушную, впалую грудь. – Ну и взгляд, бр-р-р. А он догадывается, что мы тут? Как думаете, можно будет вернуть его обратно в строй?

– Трудно сказать, – профессор Ричардс, ученый-психолог, прикрепленный следить за ходом реабилитации Метьюса Центром Авиакосмической Медицины, постучал кончиком карандаша по губе и неоднозначно пожал плечами, присаживаясь за стол в комнате наблюдений, где они находились. – После длительных космических полетов в первые минуты и часы после посадки земное тяготение воспринимается ими как перегрузка в 2–3 единицы, что сопровождается ощущениями чрезмерного веса тела, рук, ног, головы. Длительное пребывание в состоянии невесомости исключительно тяжело для организма, поэтому после возврата на Землю для экипажа должен следовать период постепенной реабилитации. Во время пребывания в безвоздушном пространстве из костей уходят минералы, мышцы также многое теряют, становятся слабее. К тому же в состоянии невесомости человек может стать на несколько сантиметров выше.

– Так и вы говорите, он совсем ничего не помнит?

– Именно так. У него частичная амнезия, он не помнит события последних нескольких недель – что случилось со станцией, как он добрался на Землю, что с остальными членами экспедиции. Мозговые клетки не повреждены, но в достаточной мере атрофированы долгим пребыванием в межпространственном анабиозе. Парню не просто крепко досталось, чудо уже само по себе то, что Метьюс умудрился каким-то совершенно непостижимым образом пережить полет и не погибнуть во время столкновения космолета с Землей. Но мы сделаем все возможное, чтобы помочь ему вернуться к нормальной жизни, можете мне поверить, Том. Это мой святой долг, к тому же вряд ли еще на Земле найдется такой уникальный пациент – это же целый кладезь полезнейшей информации!

– Верю, док. На вас вся надежда. До сих пор не могу поверить, что вернулся на Землю спустя столько лет после катастрофы.

– Космический Робинзон, – фыркнул второй «пиджак». – До сих пор не могу представить, что нас с вами еще в проекте не было, а он уже летел обратно на Землю. Где-то там, далеко.

Он поднял глаза к потолку, где работал тихо шумящий кондиционер, словно надеялся увидеть сквозь потолок и нависающую над ним циклопическую махину коммуникаций, этажей и пристроек одного из засекреченных блоков Пентагона, под которыми был на цокольном уровне погребен медицинский этаж, безграничные просторы космоса.

– Просто в голове не укладывается. Это будет покруче всякой там научной фантастики и одиссеи парней из «Стар Трек». Этот парень не просто побывал на околоземной орбите, а проделал такой путь, словно совершил путешествие во времени и прилетел из прошлого.

– С одной стороны так и есть, – не среагировав на плоскую шутку, покачал головой ученый. – Мамонты и различные доисторические существа, которых обнаруживают исследовательские экспедиции, тоже пребывают в некоем подобии сна.

– А что это за ощущения, док? Что происходит, когда ты находишься там?

– Вы имеете в виду непосредственно сон? – Агент согласно кивнул. – Трудно сказать, реакция мозга и подсознания на такие процессы еще как следует не изучены. Мы пока еще можем только догадываться, что испытывает человек, погруженный в состояние глубочайшего криогенного сна, – профессор посмотрел на человека, заточенного в медицинской комнате. – Он провел в полной изоляции не просто месяцы – годы, один, в абсолютной тишине и вакууме, без гравитации, в состоянии сна настолько глубокого, что он практически граничил с комой. И сейчас совершенно иначе воспринимает наш с вами мир. Его организм и психика ослаблены. Глаза боятся яркого света, если включить освещение на полную, он попросту ослепнет, говорить нужно шепотом, или по крайней мере первое время стараться не повышать голос. Ни в коем случае не кричать. Питается только специальными смесями, которые подаются ему внутривенно, никакой тяжелой пищи желудок пока не в состоянии принимать, а уж тем более переваривать. Рацион будем так же постепенно менять, добавляя в него новые элементы. Видите, он даже передвигается на костылях. И то, что для нас с вами обыденно и привычно – пакет чипсов, громко включенный звук, да простые бактерии, присутствующие в воздухе, к которым наш организм успел приспособиться, – может запросто его убить.

– Да уж. Жизнь морской свинки в клетке у моего сына по сравнению с этим похожа на рай, – снова хмыкнул специальный агент, приставленный присматривать за ходом реабилитации Гая Метьюса. – И чего все эти ребята так стремятся туда улететь? Конечно, в детстве это все заманчиво, привлекательно и все такое. Но на поверку выходит, что условия хуже нечего, ничего нет, а по прилете домой вообще превращаешься в овоща. Ни родственников, ни семьи. Гол как сокол.

– Тут я с вами не соглашусь, – пошелестев подшитыми в папку файлами, возразил ученый. – Во-первых, членов экипажа тщательно отбирают и готовят многие годы, создавая условия, максимально приближенные к тем, которые ожидают их в космосе...

– Бросьте, док. Я был на трех стартах и в космическом городке, а еще смотрю *Дискавери*, – отмахнулся агент. – Можете опустить подробности, мы не об этом.

– Во-вторых, никто не знал, что все повернется таким образом и он вернется домой. По изначальному замыслу он вообще не должен был покидать пределы станции лишь в крайнем случае, который и наступил.

– Почти шестьдесят лет назад. И вот как тут его встретили. Капельницами, обезболивающими. Темнотой. Теплый прием, ничего не скажешь.

– В том-то и дело, – задумчиво покачал головой ученый, через двустороннее зеркало наблюдая, как Гай, опираясь на палку, медленно идет по комнате вдоль стены, направляясь в сторону роботизированного шахматного стола, по которому компьютер меланхолично возил пластиковые фигуры, проигрывая всевозможные варианты ходов. Рядом на столе были в определенном порядке разложены разноцветные детские кубики с буквами на боках, небрежно кое-где заштрихованная книжка-раскраска с героями диснеевских мультиков, несколько сказок и азбука. Доковыляв до прибора, Метьюс некоторое время отрешенно следил за передвижением фигур, потом протянул исхудалую руку и переставил кубики, хмурясь и неслышно шевеля губами. Быстро устав и коротким жестом проведя по глазам тыльной стороной ладони, он продолжил движение вдоль стены, явно с намерением вернуться на койку. Проследив за астронавтом, ученый что-то записал в папке. – Сейчас он ничем не отличается от ребенка, которому

заново придется открывать для себя окружающий мир. Пока его память полностью не восстановится.

– Бедняга.

– Ну, в его нынешнем положении тоже есть определенный плюс. Зато теперь он национальный герой, – врач склонился на висящий под потолком экран, по которому CNN только что начало очередной и вот какой уже по счету за последние несколько дней «экстренный» выпуск. – Живая легенда.

Экран запестрел кадрами хроники, документальными кадрами запуска кораблей, в состав экипажей входил Гай Метьюс, фотографии семейной хроники, сопровождаемые бра-вурной маршевой музыкой, которую перекрывала тараторящая без умолку белозубая телеведущая, на все лады воспевая нового героя Америки.

– Как быстро вы сможете поставить его на ноги, док?

– Трудно сказать. Все будет зависеть от того, как организм Гая Метьюса будет реагировать на предлагаемые процедуры. В настоящее время разработаны и опробованы эффективные технологии послеполетной реабилитации астронавтов, – сунув под мышку папку с файлами, Ричард поставил в приемник картонный стаканчик и нажал несколько кнопок на лицевой панели, приготавливая кофе со сливками. – Будете?

– Мне с двойным сахаром, спасибо.

Кофейный аппарат зажуужал, неторопливо перемалывая кофейные зерна.

– При нормальном ходе лечения – две-три недели, – продолжил рассказывать профессор, возвращаясь со стаканчиками к столу. – Осторожно, горячий. При осложнениях – месяц-полтора. Все может быть, чудеса тоже иногда случаются, как мы можем лично с вами сейчас убедиться. При этом иногда бывает так, что уже на пятые сутки реабилитации астронавты способны принимать участие в анализе результатов выполнения программы космического полета.

– Сделайте это, док, – Том потянулся разминая затекшую спину и посмотрел на циферблат наручного «Ролекса», он уже почти четыре часа просидел в этой камерке, и, если бы не компания дока, тоже любящего поболтать, он наверняка бы коньки двинул от скуки. Назавтра нужно обязательно не забыть взять из дома с собой чего-нибудь почитать, на случай если Ричардс не успеет пораньше спуститься из медотдела, как это сделал сегодня, не в силах оставлять астронавта надолго одного. Оно и понятно – такие пациенты выпадают раз в жизни. – А сейчас пора бы чего-нибудь перекусить. У нас к нему масса вопросов. Я тут собрался перекусить, не хотите составить компанию?

– Все что в моих силах, – тяжелый вздох. – Благодарю. Но я хотел бы побеспокоить нашего пациента еще парой тестов.

– Тогда до завтра, док.

– Всего хорошего.

Профессор Ричард подождал, пока за спиной агента закроется внешняя дверь, в проеме которой мелькнули двое дежурных солдат, и, набрав личный код допуска на стенной консоли, прошел вбок через бесшумно втянувшуюся в стену электродверь.

– Привет, Гай. Ну что, как у нас сегодня дела? Как самочувствие? – войдя в комнату через герметичную дверь, негромко поздоровался Ричардс, затем, подойдя к столу, на котором по шахматной доске продолжали сами по себе перемещаться фигуры, внимательно посмотрел на выложенные в ряд кубики, образовывавшие надпись «капсула с Марса». – Ну, и что это означает, Гай?

– Я не знаю, – тихо проговорил отвернувшийся к стене Метьюс, с трудом разлепляя тонкие губы, и съезился на боку, прижимая колени к груди, словно одинокий, напуганный ребенок. Впрочем, отчасти он таким и был. – Перед глазами постоянно какие-то цифры, образы. Я что-то слышу, но не понимаю, в чем связь. Я знаю, что в чем-то виноват, но не понимаю в

чем. Не помню. Какие-то цифры, буквы... больше ничего. Есть не хочется, но это, видимо, из-за препаратов, и спать не могу. Я устал спать, доктор. Мне снятся кошмары наяву.

– Ясно, – сделав пометку в папке, ученый приблизился к койке неподвижного пациента, снимая с шеи стетоскоп. – Мы обязательно во всем с тобой разберемся, Гай. Я тебе обещаю, ты слышишь меня? Конечно, слышишь. Ты же ведь здесь, а не где-то еще. Операция закончена, и твое путешествие тоже. Теперь ты герой. Тобой вся страна гордится.

Лежащий на койке лицом к нему Метьюс что-то неразборчиво простонал и сильнее поджал колени к груди.

– Мы во всем как следует разберемся и обязательно вернем тебе твою память. Я твой друг и сделаю все возможное, чтобы помочь тебе. А теперь повернись, мне необходимо тебя послушать.

* * *

Стив не намеревался сдаваться без боя. Может быть, там, на Гавайях, на объятom огнем пожарище какой-то весь из себя генерал Харрис и утер ему нос, но он тоже большой и серьезный мальчик и умеет настоять на своем. И без боя они своего человека правительству уж точно не отдадут. Есть четкий приказ – достать содержимое спасательной капсулы, а раз так, то и пилот Метьюс тоже является частью этого содержимого – черный ящик по-прежнему находился под присмотром военных, но с этим теперь пусть разбираются наверху. А Стив, в запасном кармане которого на крайний случай была припасена еще и парочка хитростей, сосредоточит все свои силы на астронавте. При мысли о том, сколько всего может рассказать Гай, когда у него полностью восстановится память, у Стива вновь засосало под ложечкой.

Отследить график посещений профессора Ричардса, а также расписание всех процедур и время пересменки охраны, не составило большого труда, и пасмурным днем, как раз во время обеда, Стив, прихватив на всякий случай напарника в медицинский сектор, в котором содержали Метьюса. Они без особых проблем достигли цокольного этажа, предъявляя заготовленные заранее пропуска медицинских работников, и все-таки немного попрепирались с только что сменившейся охраной в самом конце, которая пыталась игнорировать пропуска и твердила, что им ничего неизвестно. Но запрос действительно был, и даже заверен высокой подписью, так что солдаты, поворчав, все-таки пропустили Стива в покой. Тот мерил шагами свою комнату и чувствовал себя заметно лучше.

– Гай Метьюс, – зачем-то на всякий случай уточнил Стив и, получив утвердительный кивок, продолжил: – Меня зовут доктор Брайт, это мой ассистент. Мы из НАСА, вас переводят. Считайте, что этот курс лечения вы полностью прошли. Вот одежда, переодевайтесь.

– А где профессор Ричардс? – позволил себе поинтересоваться Гай, послушно натягивая одежду, которую доставал из протянутого помощником Хокса пакета. – Он сказал, что сегодня еще зайдет. Мы не закончили партию.

Он указал на шахматный стол, на котором на этот раз фигуры не двигались, ожидая, когда сделают следующий ход.

– В другой раз. Он занят. Теперь вы под нашей опекой, – тоном, не терпящим возражений, скупно отвечал Стивен, то и дело поглядывая на часы. – Не стоит беспокоиться, все будет в полном порядке. И будьте добры, побыстрее.

– А я здорово перетрусил, если честно, – нервно усмехнулся напарник Смита, когда они выехали из города и он прибавил газу на свободном проселочном шоссе, чтобы побыстрее добраться в контору. – Вся эта нескончаемая бюрократия, пропуска. Хорошо же они там его упекли. Столько головной боли. И все из-за одного человека.

– Не ты один, – буркнул Сит и посмотрел на Гая в зеркало заднего вида. – И это не простой человек. Как вы?

– В порядке. Только хочется пить.

– Потерпите, скоро мы будем на месте. Там получите и воду, и еду, и все, что захотите.

– Зато прошло все без сучка без задоринки. А я уж думал, что солдаты на последнем этаже...

В этот момент несущаяся машина словно налетела на невидимую преграду и, смяв наполовину капот, клюнув задом, по инерции перевалилась на крышу. Хокс отчаянно выкручивал руль, пока покореженную машину, налетевшую на невидимый силовой барьер, проецируемый специальными установками на треногах, замаскированных в кустах по обеим сторонам дороги, беспомощно вращавшую колесами, стремительно тащило в кювет.

– Грави-яма! – истошно заорал напарник, вцепившись руками в свое лицо, которое посекло осколками из разбившегося лобового стекла. Удар невидимого барьера пришелся чуть ниже уровня бампера, и система подушек безопасности не сработала.

Не пристегнутый на заднем сиденье Гай, кувырнувшись, перелетел на крышу. Их уже ждали. Черт, черт и еще тысячу раз черт! – проклинал всех и вся Стив, когда машина, слетев с обочины, воткнулась носом в сосну и жалобно запищала рулевым клаксоном. Где, на каком этапе их умудрились считать, вплоть до маршрута, которым они будут возвращаться. А ведь он специально просчитал линию вероятности и в последний момент пренебрег ей, желая срезать более короткой проселочной дорогой. Но где-то все-таки недоглядел, и поэтому на них устроили засаду, подождав, пока он сделает всю грязную работу, и, выждав момент, спокойно заберут Метьюса тепленьким. Хрена лысого! Отстегнув ремень безопасности, он грузно перевалился на крышу, вытаскивая из кобуры пистолет, пока из машин, с двух сторон вылетевших на трассу, отрезая возможный эскорт, на ходу выскакивали вооруженные люди и бежали к ним.

– Да что же это они делают! – заорал напарник, вываливаясь из салона, выхватив пистолет и прячась за открытую дверь. – Это прямое нарушение протокола о невмешательстве!

Стив зарычал сквозь зубы как раненый зверь. Вера помощника в святую неприкосновенность бумажной бюрократии была непоколебима. Дурак! Какой, к черту, протокол! Какие правила! Стремление заполучить «звездного» астронавта себе с этого момента вылилось в открытое противостояние между двумя конторами. Ставки в игре были слишком высоки. И все эти протоколы, запреты и указания теперь были не дороже туалетной бумаги.

– Метьюс, беги! – рявкнул Стив, пинком открывая дверь со стороны водителя. Стекла в машине были тонированные, и противники не могли видеть, сколько внутри человек. По крайней мере он надеялся на это, хватаясь за любую уловку, любой призрачный шанс. Можно попробовать наплести, что эта машина была отвлекающей, а даже если и знали, это даст парню фору, а там они его все равно найдут. Главное, чтобы он никоим образом не попал в руки людей из «Хроноса-2». – Чего уставился, живее! Двигай в лес!

– Что происходит... Кто эти люди?

– Быстрее! – торопил агент.

Послышались первые выстрелы, и, открыв заднюю дверь, Гай выполз на четвереньках в развесистые кусты папоротника. Напуганный, растерянный, все еще находящийся под действием лабораторных лекарств, он поднялся на ноги, побежал куда глаза глядят и не разбирая дороги. Сейчас им руководил лишь страх и инстинкт самосохранения.

– Бросьте оружие! – донеслось со стороны одного из джипов налетчиков. – И никто не пострадает. Мы заберем только Метьюса.

– Не понимаю, о чем вы! – прокричал в ответ Стив, подкрепляя реплику пулей.

А Метьюс все бежал и бежал, бежал, зачем-то спасая свою жизнь, которая для него уже давно потеряла всякий смысл, подчиняясь каким-то скрытым в самых укромных и потаенных недрах его тела и отказывавшегося слушаться разума животным инстинктам, не разбирая дороги. Желая спрятаться, скрыться, уйти не только от схлестнувшихся в перепалке людей, которые, не спрашивая его мнения, с такой легкостью поделили его жизнь, с каждым новым

словом выплевывая себе навстречу приказы, угрозы, пули... Попутно грозясь оружием и предписаниями с протоколами. Бежал, чтобы уйти. Бежал от людей, от их агрессивных эмоций, гнева. Убийств. Испуганный, одинокий. Никому не нужный. Спасти себя от самого себя. От кошмара, который преследовал его вот уже не одну чертову ночь. Словно посаженный на поводок дикий зверь. Загнанный, не способный защищаться. Зверь, которого упрямо никто не хотел слушать. Никто не понимал. Всем все равно...

А они все придумывали, изобретали новые способы, не уставали в охоте за ним. Бежали следом – он слышал погоню где-то на уровне подсознания, слепо, наугад продираясь сквозь хлещущие навстречу кусты и коряги, то и дело спотыкаясь, по колено утопая в вязком пружинистом мху. Они хотят его. Он – это приз. И теперь нужно гнаться, придумывая себе все новые и новые оправдания, чтобы заполучить его подороже, преследование, которое грозило перерасти в бойню, в котором цена жизни людей, присланных за ним, как он смог убедиться, не стоит ничего. Ему оставалось просто бежать неведомо куда, без оглядки. Чтобы просто не видеть и не слышать. Попытаться уйти. Как сон... Тревожный, психоделический ночной кошмар, от которого нет спасения...

Гай бежал через осенний сырой, дикий лес, то и дело спотыкаясь о попадающиеся навстречу коряги. Бежал через чашу, не понимая, где находится и когда, а несущиеся ветви хлестали и хлестали, царапая бледную кожу у него на лице. Метьюс бежал и бежал, не понимая куда, подчиняясь слепому инстинкту самосохранения, и природа сберегла его. Над головой раскатисто громыхнуло, и зелень вокруг беглеца покачнулась от ветра и упруго зашелестела под ледяными каплями обрушившегося на землю дождя.

* * *

Гай добрался до Балтимора глубокой ночью. Точнее, его привезли. Его разбудил – если короткое небытие, в которое он, съжившись между контейнерами, то и дело проваливался, балансируя на хрупкой границе между галлюцинациями и реальностью, можно было назвать сном – обходчик, с громоподобным лязгом отворивший отъехавшую в сторону громадную дверь и, бегло оглядев продовольственные контейнеры, поставленные один на другой, обнаружил лишнего пассажира, путешествовавшего зайцем.

– Эй, ты! А ну просыпайся! Живее!

– Что... а... – спросонья заворочался человек. – Что происходит. Где я?

– Балтимор, Мэриленд. А ну пшел отсюда, приятель, пока я не вызвал копов, – беззлобно шуганул он жавшегося между ящиков человека, светя ему в лицо фонарем. Тот хоть и не выглядел как бомжара, но вида был потрепанного. В любом случае, человек, путешествующий в грузовом вагоне нелегальным автостопом, доверия не вызывал. Всяко не от хорошей жизни. Может, косит от армии и сбежал прямо из призывного пункта призыва, а может – наркоман. Как бы то ни было, таким молодчикам уж точно не место на подконтрольной ему территории. – У меня и без таких, как ты, тут проблем хватает.

– Извините, – не поднимая глаз, неразборчиво буркнул Метьюс и, спрыгнув на сырой гравий – ночью прошел дождь, который лежащий на вибрирующем лязгающем полу полночи слушал Гай, – пошел к зданию вокзала, петляя между вагонами. В нос ударил свежий воздух порта, гудрона и дождя. Дождь. Пожалуй, единственное, что Гай помнил. Дождь и небо.

Остаток ночи пришлось коротать на неприметной автобусной остановке за зданием вокзала Пенн. Так никем не потревоженный, отчаянно клюющий носом Метьюс, мысленно поблагодарил холодную погоду, не дающую уснуть, так как боялся попасться на глаза полицейским, на расспросы которых у него не было четких ответов. К тому же, как он догадывался, те люди, сцепившиеся из-за него на лесной дороге, рано или поздно обнаружили бы его в одном из участков, где его непременно стали бы удерживать до полного выяснения обстоятельств. Благо

вид у него был более-менее приличный – выданная еще в палате, где его содержали, одежда явно соответствовала моде времени, хоть и была заметно не по сезону – перевозящие его конвоиры явно не рассчитывали, что его пребывание выйдет за рамки штабного автомобиля.

Дремавшего Гая разбудила собака. Огромный золотистый ретривер невозмутимо копался во вчерашнем мусоре, гремя жестяным баком, встав на сброшенную крышку и махая азартно хвостом. Жмурясь спросонья в бледных лучах неохотно встающего солнца, Метьюс присмотрелся. Ни ошейника, ни опознавательной бирки на лапе – легкая добыча для живодеров или животной полиции.

– Тоже потерялся, да? – задумчиво проговорил Метьюс, ощутив внезапное родство с этим ниоткуда взявшимся бездомным животным.

В этот момент собака вытащила из бака голову, на которую был полностью надет шуршащий пакет из-под круассанов, и, завозившись, стала сбивать его передними лапами. Глядя на расправлявшегося с остатками булок пса, Гай сообразил, что совершенно не хочет есть. Он вообще ничего не хочет. Он никто. Так, тень из прошлого, призрак, который давным-давно должен раствориться в пространстве Небытия, но по чьей-то злой прихоти или издевки Судьбы вновь обрел физическую оболочку. Без документов, родственников и семьи, никому не нужный, всеми забытый, вернувшийся непонятно куда и непонятно зачем. Человек ниоткуда.

Он нахмурился и закрыл глаза, пытаясь воскресить перед мысленным взором хоть какой-нибудь образ из прошлого – тщетно. Оставив попытки и вновь задумавшись о насущном, Гай на всякий случай пошарил в карманах спортивной куртки. Нет ничего. Только одежда, имевшая смысл, только чтобы прикрывать его наготу, и неизвестность, окружающая его. Стелящаяся вокруг, наваливающаяся на плечи тяжелым грузом. У него нет денег, даже чтобы поесть. Он прислушался к своим ощущениям, но желудок молчал. Организм еще не мог до конца перестроиться на другой прием пищи, столько дней получая пищу и необходимые вещества напрямую в кровь.

Гай вспомнил питательные растворы, которые три раза в день внутривенно получал в лаборатории, где его содержали и всячески нянчились, и понял, что и там бы ему не было покоя. Не дал бы покоя себе он сам. Врач сказал ему, что он герой. Почему? Кто так решил? Из-за чего? Только потому, что он свалился человечеству на голову спустя почти столетия, когда о нем уже давно успели забыть? Никому он не нужен. И никому не будет нужен.

Перестав греметь мусорным баком, ошивающийся вокруг остановки пес деловито поместил торчащий из асфальта стеклянный баннер с какой-то аляповатой рекламой гигиенического предмета, названия которого Гай не знал, и, подойдя к нему ближе, понюхал воздух и громко залаял.

– Что такое? – чувствуя, как на лице, против воли, расцветает улыбка, удивился Гай. – Проголодался, да? У меня ничего нет.

Потоптавшись на месте, пес требовательно гавкнул.

– Ну, правда, смотри. Вон – карманы пустые. А ты чей? Потеряли тебя или сам сбежал?

Выслушав ответ, ретривер некоторое время смотрел на человека, чуть склонив голову набок, а потом немного попятился назад и, вскинув голову, снова подал голос. Словно зазывал куда-то. Действительно, не бесконечно же ему сидеть. На пустынной улице гулко загрохотало, и на пустую парковку между зданием вокзала и огромной машиной торгового Сити-молла выползла громоздкая поливалка, распахивающая лязгающие пустые тележки. Где-то совсем рядом, надсадно чиркнув, ожило радио.

Забулдыги-полуночники,
Все они будут на этом шоу уродов.
Вы можете освободить мир, вы можете
освободить мой разум,

Вы можете освободить мир, вы можете
освободить мой разум,
Городские пижоны,
Люди с пушками и маньяки.
Мне с этим ничего не поделать, нет,
Но если вы причините боль тому, кто мне дорог,
Но пускай с моим малышом все будет в порядке
сегодня вечером.
Но пускай с моим малышом все будет в порядке сегодня вечером.
Уж будьте уверены, я отомщу².

Гай поморщился и потер глаза. Город просыпался, а вместе с ним скоро проснутся и люди. И забурлит, закипит, запульсирует жизнь в бетонных венах железного города. Отсвечивать на одном месте, к тому же принимая во внимание назначение окружающих его зданий не стоило. Гай встал со скамьи и, накиннув на голову капюшон спортивной куртки, сунул руки в карманы и побрел мимо жужжащего щетками дорогоуборщика вслед за семенящим впереди псом. Утренний город встретил его.

Основными жителями индустриального портового Балтимора испокон веков были представители рабочего класса, которые трудились на сталелитейных фабриках, торговых и грузовых перевозках и в отрасли кораблестроения. Настоящие сыны Америки, с суровыми обветренными лицами и одеждой, насквозь прокопченной чадом дымящих заводских труб. Но время, как известно, не любит подолгу задерживаться на одном месте и неумолимо бежит вперед. Все менялось.

В последние десятилетия, что Гай отсутствовал на планете, город обрастал новыми инфраструктурами, модернизировался и застраивался – приводил себя в порядок. Подверглась реконструкции основная часть объектов национальной истории и архитектуры, были очищены улицы, одним словом, старинной части Балтимора придали более броский и соответствующий эпохе вид.

Гай прошел мимо грандиозного стадиона, на стеклянном фасаде которого соседствовали переливающиеся афиши, зазывавшие на концерт музыкальной группы и бейсбольный матч. Ни музыкантов, ни команд, которые согласно рекламе должны были выйти на поле в субботу (какой сегодня день, он понятия не имел), Гаю знакомы не были. «Верхний Балтимор» и «Нижний Балтимор»... Старые дома из побуревшего от времени кирпича на окраинах, прилизанные особняки и пентхаусы – ближе к центру, величественные мраморные костелы. Напирающий со всех сторон, вычурный калейдоскоп из пабов, кафе, забегаловок и прочих зланных заведений, магазинов, отелей, ресторанов, кафе. Мелькнули верхушки кранов знаменитой гавани Иннер-Харбор.

Гай шел по улице вслед за псом, шлепающим по сырой после помывки мостовой, и город просыпался вокруг него. Хлопали двери, на перекрестках с каждым новым кварталом скапливалось все больше машин, такого количества форм и марок, что у Метьюс скоро защипало в глазах, он повернул голову, отвлекаясь на вывески, но и там дела обстояли не лучше. Навстречу ручейком потянулся спешащий по своим делам разнорабочий люд. И Гай свернул в подворотню, чувствуя, как мутится в голове и подкатывает тошнота. Мелко дрожали колени. Проходящие мимо прохожие не обращали на него внимания – мало ли, поднявшийся спозаранку спортсмен просто не рассчитал свои силы и присел чуточку передохнуть.

Вернулся убежавший вперед пес и, встав на задние лапы, стал рыться в автоматическом мусорном контейнере, доверху наполненном черными мусорными мешками, к которому спи-

² Massive attack, Save from harm.

ной прислонился Гай. Мельком посмотрев на него, он вытер о друга вспотевшие ладони и несколько раз разжал и сжал их в кулаки. Так нельзя, невозможно. Он не выдержит, это сильнее его. Откуда-то из глубин подсознания пришло воспоминание о том, что, если ты летаешь во сне, твоя душа в этот момент отделяется от тела. Сакральные ощущения, катарсис. Вот он, тот самый главный момент, вот в чем кроется фокус. Вот в чем скрытый секрет той шахматной кибернетической партии, которую с таким непревзойденным упорством и чаянием ему навязывали все эти дни – партии, которую он так и не успел доиграть в медицинском блоке, где его содержали.

Выиграть нельзя. Можно лишь либо осознать себя как личность, восстановившись после всех процедур, либо... что-либо... Собака громко хрустнула куриной ножкой, и Гай посмотрел на нее, нервно поежившись... Либо сделаться послушным овощем, который, роняя на накрахмаленные и выглаженные портки тягучие сопли, будет послушно выкладывать всевозможные слова из кубиков, на потеху докторов. А те, наблюдая за ним через бронированное стекло, будут лишь многозначительно качать головами и перемещаться вслед за спецтехникой, констатируя его убожество.

Как бы он ни боролся и ни упрямился. Все ложь. Он не сможет принять эту реальность, не сможет смириться с ней. Как бы ни заставлял себя, его мир закончился и никогда больше не будет таким. Он здесь чужой. Лишний. Все случившееся с ним просто ошибка, но которую еще можно исправить. Решение пришло само собой. Оно было спонтанным и не вызвало и толики колебаний, потому что было естественным. Он все сделает очень быстро и без тени сомнения, ему больше нечего терять, кроме одежды, конечно. Глянув напоследок на пса, продолжавшего чем-то хрумкать в недрах бака, Гай снова накинул на голову капюшон и, выйдя из переулка, влился в толпу, двигаясь по улице с уверенностью человека, который знает, что делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.